

Россия и Сибирь: союз или развод?

Я хотел бы жить и умереть в России,
Если б не было такой страны — Сибирь.
Александр Башлачев, «Как ветра осенние»

Как это, скажут многие, Сибирь — страна? Страна — это Россия, Российская Федерация, а Сибирь только регион (вариант — макрорегион или группа регионов).

Ни о какой такой Сибири не желали слышать и царские чиновники конца XIX века, предписывая использовать термин «Азиатская Россия». Их можно понять: ведь как раз на эти годы приходится «первое пришествие» областников — общественно-политического движения, рассматривающего (весьма осторожно и не всегда последовательно) форматы взаимоотношений Сибири и Российской Империи.

А рассматривать им было что. Ведь как раз вторая половина XIX века внесла много нового в статус Сибири в составе Российской Империи.

Известно, что общепринятые постулаты слишком часто оказываются всего лишь самыми распространенными заблуждениями. Помимо всего прочего, это касается и истории «русской Сибири», истории вхождения Сибири в Российское государство, в Российскую Империю.

Существует «общепринятая» версия» присоединения Сибири. Несколько утрируя, её можно изложить так: некий Ермак, будучи на службе у купцов Строгановых, со своею ватагой то ли из личной блажи, то ли по тайному сговору со Строгановыми, пошел походом на Сибирь, разбил войска сибирского хана Кучума и присоединил Сибирь к России. Все, точка, на этом «общепринятая» историография «русской Сибири» завершается.

Нет даже попыток объяснить события с точки зрения здравого смысла. Например, с такой: каким таким образом Ермак с полутысячей пусть даже изумительно храбрых и многоопытных «воев» сумел бы «завоевать» хотя бы территорию тогдашнего Сибирского царства — включавшего в себя территории нынешних Тюменской, Курганской, Омской, Томской, Новосибирской областей, Алтайского края и изрядного куса нынешнего Северного Казахстана? Да ему бы просто не хватило поставить гарнизоны хотя бы в самых крупных улусах «завоеванной» страны!

Так почему же состоялось «присоединение Сибири»? И в чем оно состояло?

Сибирское царство, Синяя Орда, Хухэ Улус, было одной из частей Улуса Джучи, подразделения Державы Чингисхана. Кроме него, в Джучиевы владения входила Алтын Орда — Золотая Орда, известная из официального курса отечественной истории как источник «монголо-татарского ига». На особых правах к Золотой Орде относились и русские княжества — Рязанское, Владимирское, позже Московское. Причем князья владимирские, и позже московские были не просто покоренными владетелями, а родственниками Чингизидам Джучиева колена, правящей династии Золотой и Синей Орды. Родоначальник владиморско-московской ветви Рюриковичей, Александр Невский, был официально усыновлен ханом Бато (Батыем), а сын Бато, Сартак, стал аьндой — побратимом Александра.

Побратимство у народов Азии числится даже выше «статью», нежели кровное братство, которого не выбирают — за аьнду, побратима, надо вставать горю во всех случаях.

Это побратимское родство помнили и в XV веке, когда хан Сибирский Эдигер признал братское старшинство князя московского Ивана Васильевича, завещая ему в случае пресечения своего рода свое царство, и столетием позже, когда выделившаяся из Золотой Орды Казань стала площадкой для противоборства самых различных политических «агентов влияния» — крымско-турецких, хорезмско-персидских и, конечно же,

московских. Взятие Казани было делом рук в первую очередь казанских же татар — а царь Иван Грозный просто совместил в своем титуле эти две «короны» — княжества Московского и царства Казанского (как позже Астраханского, и, позже — Сибирского).

В случае Сибирского царства дело было примерно так же: хорезмиец Кучум (из рода Шейбани, то есть дальняя родня Чингизидам) убил малолетнего хана Эдигера, законного наследника престола, и объявил ханом себя. Что было совершенно неприемлемо и для местного сибирского населения, и для московского князя Ивана Грозного (к тому времени уже величавшего себя царем), как имеющего обязательства перед сибирскими Чингизидами.

Только этим — союзной помощью — можно объяснить неожиданный успех предприятия Ермака.

Всех деталей присоединения Сибири к русскому государству мы, вероятно, не узнаем уже никогда. Далеко не всегда можно верить сохранившимся в московских архивах донесениям местных воевод, которые сплошь и рядом изобилуют совершеннейшей фантастикой. По ряду же косвенных признаков можно судить о том, что Сибирь с самого начала и в течение длительного времени была вполне автономным образованием, связанным с Москвой, и потом с Петербургом главным образом обязательствами данничества.

Лишь обращения местного населения к Белому царю за судебной подмогой привели к образованию Илимского (позже Иркутского) и Якутского воеводств. Буряты, якуты и русские колонисты, казаки и пашенные крестьяне, сталкиваясь с неправдами и лихоимством начальников воинских гарнизонов, вполне законным порядком обратились к верховному суверену с требованием найти управу на своих слуг — и в ряде случаев (суд и наказание илимскому воеводе Филиппу Кафтыреву, или миссия стольника Матвея Глебова в Якутск) они своего добивались. Понятно, что не было о речи и «покоренной» земле: взяв на себя по наследству функции царя Сибирского, великий князь Московский брал на себя и множество обязанностей.

Впрочем, это искупалось громадным финансовым прибытком. Россия-Московия времен Ивана Грозного и его ближайших преемников испытывала сильный, как сейчас говорят, «кризис ликвидности».

Иными словами, внутренних ресурсов для полноценного развития было крайне недостаточно, а возможности экспорта были весьма ограничены: нечего особенно было России экспортировать. Ни вин, ни шелков, ни пряностей из России в Европу не возили, за отсутствием таковых.

Лишь одна статья экспорта, достаточно выгодная в качестве источника серьезных финансовых поступлений, была доступна для России в то время — пушнина, весьма востребованная в Европе.

Пушнину и давала Сибирь, причем в основном в качестве ясака, дани. При царе московском Алексее Михайловиче примерно две трети бюджета государства составлял доход от экспорта сибирской пушнины. Сын его, Петр Алексеевич, получивший почетное именование Великого, именно на эти же доходы вел свои многотрудные войны, в том числе Великую Северную войну, определившую статус и влияние Российской Империи в будущие два века, строил столицу — Петербург, создавал европейского строя армию и государственный аппарат.

Впрочем, и армия, и госаппарат России к Сибири имели самое ничтожное отношение. Вплоть до середины XIX века в Сибири практически не было регулярных имперских войск — и оборону своих рубежей Сибирь осуществляла собственными силами: казачества (состоявшего преимущественно из коренных народов Сибири — башкир, барабинских татар, бурят, тунгусов и якутов) и городского ополчения. Сложился, таким образом, вполне банальный вассалитет, основанный на личной унии монарха, подобно существовавшей в разное время унии Швеции и Норвегии, Швеции и Дании, Дании и Норвегии. Вассалитет этот, между прочим, имел свои границы. Так, на многие раздумья наводит тот факт, что перед началом Великой Северной войны царь Петр, будущий император, направил посольства не только в Европу, на поиски союзников среди возможных противников Швеции, но и в Казань и в Тобольск, стремясь заручиться поддержкой Казанского и Сибирского царства в предстоящей войне.

Перелом в российско-сибирских отношениях точно не зафиксирован, но, видимо, его надо искать на рубеже XVIII-XIX веков. Предприятие курско-иркутского купца Григория Шелихова привело к созданию Российско-Американской компании и колониальной экспансии в Северной Америке. Сибирь, в первую очередь Иркутск, становится предметом особого интереса имперских властей. Параллельно с укреплением позиций Российско-Американской компании идет первая серьезная административная реформа в Сибири, связанная с именем либерала-западника Михаила Сперанского. Она сначала касалась только русского населения (буряты и якуты

до конца XIX века еще сохраняли свое традиционное самоуправление в виде Степных дум), но уже весьма ощутимо стало ощущаться «строительство вертикали власти».

Можно по-человечески понять императора Николая Павловича: получив власть едва ли не волею случая, военный человек с невеликим опытом гражданского управления, остро ощущавший настоятельную необходимость крутой модернизации и наведения порядка в государственности, буквально во всех отраслях — от военной до городского и волостного управления, от системы финансов до сословного устройства общества — он действовал теми способами, которые ему были понятны и доступны.

При этом он понимал и призывал, что «империей правлю не я, а тридцать тысяч столоначальников». Но альтернатива была связана с развитием национального (или, скажем иными словами — гражданского) самоуправления, с высоким уровне доверия власти — к народу, и народу — к власти.

К этому Николай стремился, но не достиг. Видимо, потому, что обстоятельства бывают сильнее нас, а один в поле (в том числе и в поле государственного управления) не воин.

События, происходившие к концу «николаевской эпохи», заставили Российскую Империю резко изменить свою политику, и внешнюю, и внутреннюю.

Отказ от Американских владений, «освобождение» крестьян, либеральные реформы Александра II — только часть, самая видимая, содержания политики этого времени.

Сущность же ее символизировалась словами канцлера Александра Горчакова: «Россия сосредотачивается».

Сосредоточение же это во внутренней политике означало продолжение строительства «вертикали власти».

Именно к этому времени — к 50-м годам XIX века — относится появление в Сибири регулярных имперских войск и начало областнического движения.

Эти два события, хотя и не связанные друг с другом непосредственно, имеют одно происхождение: изменился формат взаимоотношений двух государств, связанных между собой личной унией императора. Российская Империя предпочла отбросить ту союзную основу, которая была основанием легитимности «русской Сибири» — и натолкнулась на сопротивление, хотя бы тогда еще весьма неоформленное и не имеющее ни единой идеологии, ни серьезной организационной структуры.

Умные люди в имперском руководстве, впрочем, вполне понимали, сколь опасен этот путь. Губернатор Иркутский Николай Муравьев (племянник того самого «Муравьева-вешателя», впоследствии — граф Амурский) выступал за возможно более широкую автономию Сибири в составе Российской Империи, за сибирское решение не только внутренних, но и порою внешних проблем. Что он с кстати, блестяще реализовал, присоединив к Иркутскому генерал-губернаторству (а, следовательно, и к Российской Империи) дотоле спорные с Цинским Китаем территории Приамурья и Приморья. Императорское правительство было при этом поставлено перед фактом, и лишь тогда, когда при документальном оформлении новой границы посланник из Пекина потребовал с русской стороны равного по полномочиям представителя — то есть личного посланника Белого царя.

К сожалению, государственные деятели, подобные Муравьеву, вызывали подозрение в «сепаратизме» у петербургской бюрократии, и граф Амурский, получив и титул, и высочайшие награды, был удален из Иркутска и из Сибири вовсе. «Вертикальное» мышление европейски-форматированных мозгов столичных бюрократов не позволяло им осознать, что они сами же рубят под собою сук, на котором сидят.

Что же, через не слишком длительное время некоторым представителям этого сословия пришлось на суку повиснуть...

«Волостная реформа» Александра III стала, вероятно, последней каплей. Она уничтожала и сохранявшееся еще самоуправление «сибирских инородцев», сильно ограничивала внутреннюю автономию казачьих областей, а на всем остальном пространстве империи устанавливала «безобразно-единообразную» вертикальную систему территориального управления.

При этом, если в России были хотя и весьма куцые, с самыми минимальными полномочиями земства, в

Сибири не было и этого. Здесь на рубеже XIX-XX веков установилась настоящая колониальная административная система. Именно она — а не самый факт сибирско-российской унии — стала основой критики со стороны областников.

Собственно говоря, сам термин «областничество» вполне четко раскрывает основные устремления его участников.

В тогдашней системе государственного устройства Российской Империи были в основном две категории административных единиц — губернии и области. Губерния — это как раз «вертикально-организованная» единица, с назначаемыми сверху вниз губернаторами, градоначальниками, уездными, волостными и сельскими старшинами. Области же по преимуществу были казачьими, и, неся четко установленные перед империей обязанности (главным образом участия в военных усилиях государства) пользовались весьма значительной внутренней автономией, вплоть до собственного гражданского, а частью и уголовного законодательства.

Распространить права областей на всю Сибирь — вот в чем состояла основная позиция областничества.

* * *

Сибирь — не Россия, это ощущает любой, кто хотя бы часто бывает и там, и тут, кто умеет приглядываться к тому, что его окружает.

Одно из основных отличий сибиряка от россиянина — его, сибиряка, беспредельный индивидуализм. Впрочем, еще более в этом смысле сибиряк отличается и от европейца: тот любит поговорить о своем индивидуализме — на деле же вряд ли на свете найдутся большие коллективисты, чем европейцы, от веку объединенные во всевозможные общины, гильдии, сословия. Сибиряк вечно себе на уме, критичен и недоверчив ко всему услышанному, верит только в себя... в общем, понятно, что осознание сибиряками своей особенности было всегда. Оно временами затухает, временами обостряется, но сибиряк всегда осознает себя в той или иной степени «иным», нежели россиянин.

Хотя, безусловно, нельзя забывать и о близкой родственности российской и сибирской культуры, и о мощном потенциале экономического, политического, военного единения всей Северной Азии, от Балтики до Берингии. И все же Сибирь — не Россия. И это нельзя не учитывать, строя какие бы то ни было прогнозы и планы на развитие и вообще будущее геополитического пространства, включающего в себя обе эти страны.

* * *

Хроническое и категорическое непонимание сущности строения Северо-Азиатского пространства приводит всегда к одним и тем же результатам.

В 1917 году социальный взрыв (вполне рукотворное явление, в котором пальму первенства, безусловно, заслужил сам император Николай II и его ближайшие помощники, в особенности «великий реформатор» Петр Столыпин) наложил на антиколониальный. И не случайно уже с весны 1917 года, сразу же после падения монархии, начался процесс обособления Финляндии, Украины и Сибири.

С формально-юридической точки зрения это имело вполне законные основания: ведь единственной легитимной основой вхождения этих (как и многих других) территорий, стран и земель в состав Российского государства была личность императора Всероссийского, по совместительству являвшегося и великим князем Финляндским, царем Польским, Казанским, Херсонеса Таврического, Астраханским и Сибирским. Уже в XIX веке императорское правительство сплошь и рядом выходило за рамки тех условий, на которых, например, «воссоединялась» с Россией Украина — было отменено гетманство, а сама Украина превращена в простое собрание губерний. С упразднением монархии не осталось никаких формально-юридических оснований для того, чтобы Сибирь продолжала числить себя в составе Российского государства, и автономизация, а впоследствии и Декларация независимости Сибири (4/17 июля 1918 года) были совершенно логичными.

Перипетии Гражданской войны (военный переворот Колчака, и слышать не желавшего о чем-то кроме «единой и неделимой») прервали эту линию развития. В то же время «централизм» Колчака резко настроил против него и большинство населения Сибири, и основные политические силы страны. Колчак был разгромлен не столько красными войсками на фронте, сколько растущей партизанской войной в тылу — вся Сибирь поднялась против него. Большевики же, выдвинув лозунги самоопределения, получили ощутимое преимущество, и их относительно мирно восприняли хотя бы как «меньшее зло».

Надо сказать, что в первое двадцатилетие советской власти края и республики Сибири обладали сравнительно высокой степенью автономии. Конечно, «вертикаль» сохранялась — в основном по партийной линии, но она отчасти нивелировалась системой выборных Советов. Впрочем, в значительной степени централистские тенденции в СССР оправдывались как внешними факторами — по сути, постоянным военным окружением (ощущавшимся в Сибири достаточно остро — и на китайской границе, и на тихоокеанских морских рубежах), а потом явной угрозой большой войны, так и внутренними — необходимостью масштабного промышленного и социального строительства. СССР в целом впервые за много лет получил возможность решить свою национальную задачу — технологической модернизации — и в рамках СССР эта задача в целом была выполнена. События 30-х — начала 50-х годов отодвинули тему автономии на второй план.

Она вновь возникла позже, к концу 60-х, когда, например, в Восточной Сибири началось формирование мощного территориально-производственного комплекса (ТПК) на базе Ангарского каскада ГЭС. Не удивительно, что именно в Брасткгэсстрое, структуре, выполнившей основную работу по созданию Ангарского каскада, возникла идея о создании Байкальской союзной республики (Байкальской ССР) в составе Союза.

В состав БайкССР должны были войти Иркутская область, Бурятия, Читинская область, южные районы Якутии или вся Якутия целиком.

Безусловно, формирование союзной республики в Восточной Сибири (которую бы вполне гармонично дополнила Дальневосточная республика) дало бы мощный толчок развитию всей этой части Сибири и придало бы ей гораздо больше экономической и социально-политической устойчивости.

* * *

Причины распада СССР лежат в той же плоскости, что и причины распада Российской империи в 1917-1918 годах.

«Вертикаль власти» — принципиально несовместимая с сущностью нашего геополитического пространства форма политической организации. Как в 1917-м, так и в 1991-м одинаковые причины привели к одинаковым последствиям.

Прошло совсем немного времени, и мы со всей очевидностью наблюдаем, что в Кремле никто ничего не забыл и никто ничему не научился. Причем «вертикализация» современной Российской Федерации намного превосходит таковую же и в СССР, и в Российской Империи. Но, как известно, всякое действие рождает противодействие — и «вертикализация» сегодня к настоящему времени фактически свелась лишь к перенаправлению финансовых потоков из Сибири в Москву, где, впрочем, они в основном также не задерживаются, транзитом перекачиваясь в офшоры.

Надо иметь в виду, что нынешняя «вертикализация» усугубляется (как и в 1917-м) обострением социальных проблем: нынешняя власть (что «ельцинская», что «путинская») не решила ни одной из проблем, стоявших в СССР в 80-е годы, в начале «перестройки» — но лишь усугубила их многократно, да еще и добавила к ним множество новых.

Поэтому возрождение и активизация областничества, массовый рост симпатий к нему со стороны самых различных слоев населения, от обездоленных пенсионеров до вполне успешных бизнесменов и представителей всех уровней власти, от мэров городов до сотрудников силовых структур в сибирских регионах, попросту неизбежно.

И поэтому не стоит удивляться, что независимые опросы, например, в Иркутской области дают до 25-27 процентов сторонников полной государственной независимости Сибири, и до 55-65 процентов — сторонников Автономной Сибири.

Об этом говорят и губернаторы, и предприниматели, и сотрудники МВД и ФСБ — в общем, все, для кого Сибирь является страной, в которой они хотели бы быть похороненными, и где их внуки ухаживали бы за их могилами.

* * *

Выше уже сказано, что государственная независимость не является какой-то «идефикс» для областников.

Более того: мы люди грамотные, историю Отечества (именно — Сибири) знаем неплохо, и отдаем себе отчет в том, что геополитическое пространство Северной Азии на протяжении вот уже двух тысяч лет время от

времени стремится к той или иной форме объединения.

Держава (или державы) гуннов, Тюркское ханство, Ихэ Монгол Улус (державы Чингисхана), Российская Империя, СССР — эти государственные образования (история которых, между прочим, часто начинается как раз в Сибири) раз за разом возникают — и потом распадаются. О причинах распада мы говорили выше — но есть ведь и причины их образования, и они, видимо, достаточно серьезны, раз процесс возобновляется с повторяемостью эксперимента. Значит, есть смысл подумать о том, чтобы определить (и применить практически) тот формат построения этого геополитического пространства, который отвечал бы его внутренней сущности.

Понятно, что ни одна из действующих в остальном обитаемом мире моделей не годится. Ясно, что Северная Азия (как бы они ни называлась, повторяю — Ихэ Монгол Улус или СССР) резко и разительно отличается как географическими условиями проживания, так и (как неперемнное следствие) национальной самоидентификацией населяющего ее народа.

Люди, заикленные на примитивно понятом «расизме» могут сколько угодно рассуждать про «белую расу», к которой якобы относятся великороссы и другие русские народы, но не будем отвлекаться на развенчание безграмотных конструкций. В то же время, естественно, существуют серьезные географические различия — и неизбежно вытекающие из них различия национальные — между Сибирью и Россией.

Не учитывать их — значит делать невозможным любые стабильные формы объединения России и Сибири в какое бы то ни было сообщество.

Поиск и выработка конкретных форм взаимоотношений двух родственных географически, исторически, экономически стран — тема отдельного разговора. Моделей предлагается множество, вполне в соответствии с идеологическими установками предлагающих. Но для начала плодотворного обсуждения этой темы необходимо договориться о некоторых базовых основаниях.

О том, что

1. Сибирь и Россия — две хотя и близкие этнически, культурно, исторически, но разные страны.
2. Та или иная форма объединения Сибири и России выгодна и полезна обеим странам.
3. Это объединение достижимо и полезно при выполнении некоего набора взаимных обязательств и условий.

Можно, конечно, встать в позу и продолжать отрицать очевидное. На такой позиции стоят многие россияне, и их слепота порой поражает. Как и петербургские бюрократы позапрошлого и прошлого века, они пият сук, на котором сидят — и в результате рискуют на суку и повиснуть. Единственным следствием подобного упорства будет теперь уже полный распад Российской Федерации, остановить который сегодня нет ни малейшей возможности у каких бы то ни было федеральных структур. Кремлевские «небожители» могут продолжать и дальше с напыщенным видом рассуждать про «укрепление государственности» — у всякого, кто сталкивается с результативностью этого «укрепления» все эти рассуждения вызовут разве что иронию.

Мы не хотим развала Российской Федерации, но мы его и не боимся — как вариант, естественно, областники просчитывают и то, что распад примет необратимые формы, естественно, по вине лишь «кремлевских мечтателей», не желающих или не умеющих видеть очевидного.

Тогда нам придется организовывать свою жизнь самостоятельно — впрочем, по сравнению с сегодняшней ситуацией у нас в Сибири мало что изменится: ведь уже сегодня ни оборону рубежей, ни управление экономикой Кремль не обеспечивает, и изменения составят главным образом пресечения «финансового потока» из Сибири за Урал и за границу. Уже сегодня Сибирь выживает за счет собственных средств — вернее, той малости, которой от собственных средств Сибири оставляет Кремль и околоскремлевский олигархат. То есть в краткосрочной перспективе Сибирь ничего особенно не теряет.

Взаимно теряет Северо-Азиатское геополитическое пространство. В большом сообществе легче обеспечить динамичное развитие. С цивилизационно-родственными народами легче договариваться о совместных проектах.

Сибирское областничество не ставит целью неперемнный «сепаратизм», который стал уже страшилкой в умах недалеких московских интеллигентов. Но сибирское областничество хочет гарантий от произвола и беспредела московских (петербургских, да вообще хоть каких централистских) бюрократов и олигархов,

органически не способных понимать, а тем более принимать ко вниманию условия, нужды, потребности, цели и задачи далекой от них страны.

Времени на то, чтобы понять необходимость — и неизбежность — переформатирования Федерации, по сути, создания полноценного Союза Стран Сибири и России, осталось немного. Вряд ли более десяти лет. Причем эти десять лет будут годами нарастающего общего кризиса, финансового, промышленного, социального, коммунального, совпадающего с общемировым кризисом. Возможно, в этом столетии такой шанс будет последним.

Поэтому — в последний раз: опомнись, старый мир.

Михаил Кулехов, координатор Областной Альтернативы Сибири

Автор: Артур Скальский © Агентство Политических Новостей СТРАНА, БАЙКАЛ 👁 17182 03.12.2007, 14:22
🔗 1143

URL: <https://babr24.com/?ADE=41538> Bytes: 24931 / 24893 Версия для печати Скачать PDF

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["СИБИРСКАЯ РЕСПУБЛИКА"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/@tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/@babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)